

Стихотворения 1922-26 годов

Иван да Марья

1

Странны дни в долине ровной,
Светел дух осенний на земле.
Поле пусто. Сердце грустью полно.
Скучно жить в своем родном селе...

Осенью душевное сомненье
Стелется, как деревенский дым.
Умолкает полевое пенье,
Но я полон им одним.

Много в жизни сумрачной тревоги,
Много бед несут с собою дни.
Под дождем осенние дороги,
Тяжело ходить по ним.

Надобно себя томить сухой работой,
Чтобы жизнь была в тугом русле.
Надо медом наливать пустые соты,
Жизнь держать не ниткой, а в узле.

Пусть роятся в голове заботы —
Будет дело молодым рукам,
Надо мир промаслить нашим потом,
Скорость дать его маховикам.

Человек от старости седеет,
Осень сыплет волос золотой.
Так природа в августе вдовееет,
Умирает молодой.

Но в глухую гибнущую осень
Скорбно и навеки можно полюбить:

Зеленеют ведь зимою сосны —
Круглый год необходимо жить.

2

Третий год я был комсомолистом,
В сентябре мне стало двадцать лет.
Ни оратором, ни красным гармонистом
Я не значился —
Имел пустой билет.

— Что же, Ваня, ты бы хоть влюбился
Или станцию построил на ручье,
Видишь — комсомол зашился,
А ты бродишь как ничей!

И случилось
(Погадал мне парень) —
Стало быть, в соку моя душа,
Не присушкой же я был отравлен —
Я заметил:
Очень Маша хороша.
И действительно,
Мила мне Маша.
Только я вот не душист,
Красотой не разукрашен,
Но зато — комсомолист!

Вот однажды подошел я к Маше
Шагом твердым, как партийный человек:
— Правда, клуб прилично наш украшен,
Чувствуете вы индустриальный век?

Мне сказала Маша кротко:
— Краснота!.. и скучно без цветов!
Я ей вежливо, но четко:
— Здесь в грядущее постройка
Металлических мостов!

— Где же мост? —
Спросила Маша.
Тут я лозунг указал.
— То висит матерья ваша:
Мост чугунный где, вокзал!

Беспартийщина в натуре,
Но на то ведь мы вожди:
Парня, девку, дурня, дуру
С коммунизмом увяжи!

Босиком по мокрым листьям
 Полудуркой осень шла.
 В поле позднем,
 В поле чистом
 Ветер за руку вела.

По родным немым дорогам
 Я невесело хожу:
 Кроме Маши
 Симпатичных много,
 Только ими я не дорожу.

Тихий сон питает тело силой,
 Эти силы мучают меня:
 В первый раз душа моя любила,
 Даже мать мне стала не родня...

Что же, Маша, долго медлишь?
 Ведь нечаянно тебя люблю.
 Если чувством мне ответишь,
 Душу я твою не оскорблю...

Не мудра по книге Маша,
 Не держала писчего пера —
 Человек не этим важен,
 Если он роднее, чем сестра.

Есть такие люди в мире —
 Ошибаются вести по пальцам счет.
 Но зато — в них сложенные крылья,
 Разум их нечаянно течет.

— Слушай, Ваня,
 Ты такой хороший
 И не думай плохо про меня!
 Ты пойми слова мои как можешь:
 И любовь и правда ведь одна.

Эта осень, милый, на исходе,
 Будет скоро зимняя пора.
 Ты не станешь по своей охоте
 Вековать с девицей вечера.

Я не очень личностью пригожа
(Ты напрасно это говоришь),
Не лицо — другое мне дороже,
Что без слова ты в себе хранишь.

Я люблю не прелесть человека,
А его сердечное добро:
Полюблю и горбуна-калеку —
Жить ведь с мужем, не с горбом.

Я не очень умная, Ванюша,
Место мысли сердцем занято,
Я конечно жизнь отдам за мужа
Человек я верный и простой...

Но в любви я буду лютый ветер,
Ревностью замучаю лихой —
Не умею скучно жить на свете,
Кровь во мне, а не песок сухой.

Но мы рано молодости влагу
Друг у друга пьем из уст,
Оттого сердечною отвагой
Человек так рано пуст...

Не люби меня напрасно, Ваня,
Ты потерян будешь для людей,
Уж тебя работа не потянет —
Трудно, Ваня, бабою владеть.

Я люблю сама тебя нечаяно
И любви в себе не поборю,
Но со мной душа твоя устанет —
Я вперед про это говорю.

Ну, пускай с тобою мы поладим! —
Загрызут нас люди и нужда.
Нам с тобою и немного надо,
Но и это не дается никогда.

Знаешь, Ваня, бабы с мужиками
Как живут до гробовой доски?
Начали любовью — бьются кулаками:
Не минует баба мужниной руки.

Может быть, наверно очень скоро,
Ласковее люди будут на земле —
Вот тогда навеки и без спора
Мужиком и бабой станем на селе.

* * *

Мы на канатах прем локомотив
К платформам красным станции.
Цилиндры в триста лошадиных сил
Заржавели на скрепах с фланцами.
Давно не крутит оси кривошип
И замер, разбежавшись, маховик.
Трубы макушка — проволочный гриб —
Прогнил от дыма, вбок поник.

Волочим сажень-две, минуту отдыхаем
И снова ухаем, ногами чешем землю,
Плечью брат к брату ближе примыкаем.
В поту и хрипе узкою пролазим щелью.
Канат рассекся от усилий дружных
И хлопыстнул по роже чьей-то тощей —
Метнулась врозь стая ребят досужных
.....
Оправились и потащили с песней,
Мамаше подарив матюк.
Последний шаг — и силе стало тесно,
Скрипит, шатается на оси крюк...

Шабаш — доставили!
Двугривенный и сотка,
Да огурец, в горшке разбрюхий от рассола...
Кормись, дыши, промачивайся, глотка,
И хлебец жуй муки вкуснейшего размола.

Иоганн Пупков

Рассказ о Непачевке*

Вот она — родная Непачевка,
Лупит вшей на улице Игнат:
Не селение разумное, а так — одна мурцовка,
Каждый тебе враг и в то же время сват.
Вон ползет мощью Драбан Иваныч,
Тош (как будто он опоросился),
Враг законной пролетарской рвани,
Подошел ко храму, спрохвала перекрестился.
Вон грядет неспешно, неподвижно
Тварь сухая, как тарань, диакон,
Ставит в супесок стопы крестовоздвижно,
Движет туго телесами с гаком.

* Стихотворение обнаружено в воронежской периодике Е. Антоновой. Непачёвка — Сельцо бывшего Землянского уезда, Жлобовской волости.

Вышла за калитку Пелагей Иванна
(Сзади поглядеть: кошолка с окамелком),
Позевала (господи, помилуй окаянную!),
Пасть сомкнула, поглядела в улицу
Пристально и с толком.
Велика, Россия, ты, сурьезна!
Где твоя змеею свернутая суть?
Жрать в тебе и множиться невозбранно можно,
И везде есте, егда сосцы твои сосуть.

Крестьянин Баклажанников

* * *

Без сна, без забвенья шуршат в тесноте
Горячие руки в упорном труде —
В высокой и нежной и верной мечте,
В вое, во сне и в своей чистоте.

Пашите века и прудите потопы,
Чтоб кровь закипала и мозг скрежетал,
Чтоб дали, чтоб травы были растоптаны, —
Иди против ветра, чтоб ветер устал!

Так ветхие звезды, так реки и камень
Можно затмить, повернуть и зажечь —
Мы землю нагрели живыми руками,
Мы поднятый, брошенный, мчащийся меч!

Сопротивленье есть поле победы,
Ты накален своей страстной тоской —
Пусть лягут на землю прочные меты,
Пусть посох пропахнет потной рукой!

* * *

Растет мое сердце во сне
И около смерти полюбит.
Ветер на тонкой певучей сосне
Голос свой песнею губит.

Нарочно и я на свете живу
И сердце порочу стихами;
Я думал, что с неба звезды сорву,
А сам только плакал ночами.

Я думал, что мудрости в мире
Нельзя ни найти и ни сделать,

Но, выросши больше и глянув пошире,
Открыл я всемирную смелость.

Не жалость, не нежная влага
На молчаливых устах,
Скорбная скрыта отвага
В простых человеческих глазах.

Никем никогда не воспета
Тревожная жизнь в человеке:
Так утром на громком рассвете
Сиянье стучится в зажатые веки.

О голом и живом

Мы на ветру живем
С незащищенным сердцем,
В пучине мира мы — нечаянный огонь:
И либо мы весь мир ослепим,
Иль либо нас потушит он.
И весело на свете быть голым и живым —
Таким вот, от которых и горе устает,
Не мудрым, не прекрасным,
А — сильным и простым,
Не богомольцем правды, а мастером ее...
Я знаю —
И в живом созреет тихо смерть,
Но тишины не станет на земле:
Не будет солнце зря гореть —
И жизнь сумеет крикнуть веселей...
И вот смотри —
Без смысла и на льду,
Своей кончины каждый накануне,
Живой глядит на пышную звезду —
Бессмертен он или безумен?
Он мудрость всю отдаст за теплоту
Живого тела своей милой.
Он завоеует голубую высоту,
Чтоб доказать любимой свою силу...
Настанет час —
Из мировой пучины
Он образует милое лицо,
Чтобы была невеста сыну,
Как мать его, любимая отцом.

* * *

Жить ласково здесь невозможно,
Нет лучше поэтому слова «прости».

Годы прошедшие прожиты ложно,
Грядущие годы собьются с пути.

Первой любимой последнее слово —
Горе когда мне в себе не снести,
Прощальное слово матери мертвой,
Чтоб сердце не мучить, мы скажем «прости»!

Где верные души, где вечная память
О сыне, о милой подруге-жене?
Каждый любимую может оставить,
От взгляда другой побледнев.

Смерти напротив, навстречу стихиям
Тонкая дышит и бьется душа,
С верностью голубя, с мудростью змия,
Силу чудесную крепко зажав.

Где же ты скрыта, страна голубая,
Где ветер устанет и смолкнет река?
На свете такие страны бывают:
В поле я видел — земля велика.

* * *

Ночь на дворе стоит сиротой —
Спит человек в печной теплоте.
Под ледяною пустой высотой
Сердце без сна,
Сердце горит в своей тесноте.

Обыкновенные люди живут,
Звездные реки текут в тишине.
Ветер тоскует — горы режут,
Травы бормочут в своем мировом,
Невозвратимом и тайном сне.

Немы уста твои, сердце ночное,
Невыразима невеста — звезда,
Скорбью томятся люди одною:
В сердце вместиться должна
Земная вся теплота
И звездная вся высота.

Тихи шаги мои в поле любимом,
Душа налилася тугою и нежною силой,
Запечатлею я мир — и пройду его мимо,
Сам я не свой — и каждый мне милый.

Бегство

Прощай, сиротство, нищие поля
И ты в гробу, любимая сестра!
Передо мною — круглая земля,
Над головой — чудесная пора!

Прощай, село, отца родимый двор,
Влекущий гул заброшенных дорог!
Мне так легко, как будто с гор
Бегу на паре сильных ног.

Стоит земля, а я по ней спешу.
Я вижу — ветер треплет рожь,
Ища в ее волосьях вошь, —
И глаз с природы не свожу.

Но вот уж холодно и — вечер.
Вон трубы, город и сияющий огонь.
Отстал уставший спутник-ветер,
В моем цветущем сердце сон.

Я спал в саду, как безработный,
И надо мной плыла толпа.
Я слышал жалобы и трудные заботы,
И сон ко мне страшнее прилипал.

Я встал с зарей — мне стало любопытно,
Я знал давно, что велика земля,
Но от меня была вся прелесть скрыта —
Я видел лишь безлюдные поля.

Я был бродягой, пахарем, солдатом,
Искал все годы праведной земли.
То с диким горем, то с отрадой
Шел по путям, куда они вели.

Но жизнь для нас хорошая подруга,
И первый друг — сокровище мое.
Большая нам оказана услуга —
Дана нам жизнь — и мы ее возьмем!

* * *

Томится сила недр земного шара,
И злобный зной в душе от тесноты домов.
Ждет мир последнего, смертельного удара
И взрыва недр — без вскрика и без слов.
Пусть ливень разорвет кору и крышу над постелью

И водопады ночью песни запоют,
Пусть корабли людей подымутся над мелью
И в темный вечер в океаны уплывут.

Любовью, ужасом и жалостью к потомку
Прикован к дому и к работе человек.
О, тленье тел, пищеварение негромкое,
Быстрее тебя машинный перегретый бег.

Среди обыкновенных дней трава расти устанет,
Все познано, едою зубы стертые,
И сердце жизнь вконец отбарабанит,
И звезды недостигнутые — мертвы.

Греми, тоска! Из камня сделаны дома!
Еще сладка еда и горячо дыхание жены.
Над крышами до звезд стоит пустая тьма,
И каждой ночью снятся беспамятные сны.

Я тело износил на горестных дорогах.
Нет мудрости свирепой и друга с парой рук,
Мозгов мужских и женщин полновесных много:
Дороже всех материков —
Дверь тихо отворивший друг!

* * *

Наверно, молодость придется истомить
Зажатой в гайку тесного труда.
Нам не дано Америки открыть,
И миновала нас счастливая звезда.

Прошли зеленые веселые века,
И зрелый день стоит над головой.
Нашла русло октябрьская река,
Ее долина поросла травой.

И траву надо днем косить,
Чтоб можно было вечерами петь:
Нельзя лбом стену прошибить,
Зато возможно пальцем протереть.

Земле не очень надобен поэт:
Как ни смеется он, а все равно заплачет.
Хоть и поет он, песня его спета —
И в жизни умной ничего не значит.

Но, друг! Ведь жизнь — хорошая подруга.
А ты — сердечное сокровище мое!

Большая нам оказана услуга —
Дано нам жить, а мы — поем!

Ты погляди! Нечаянно и звонко
Растет трава, и звезды шелестят,
Упрямо в сердце бьется перепонка —
Целуй же жизнь в порочные уста!

* * *

Древний мир, воспетый птицами,
Населенный ветром и водой,
Озаренный теплыми зарницами,
Ты живешь во мне — как край родной.

Горный крик гремел навстречу утру,
И поток подножье мира мыл.
Не было равнины — яростно и круто
Обнажались лица материнских сил.

Помню я, в тоске воспоминанья,
Свежесть влажной девственной земли
И небес дремучее молчание,
И всю прелесть милую вдали.

Но чем жизнь страстней благоухала,
Чем нежней на свете красота,
Тем жаднее смерть ее искала
И смыкала певшие уста.

Счастливое время

Мы жизнь поставили ребром —
Катися счастья колесо,
Катись не яблочком, ежом —
Закрой штыком
Счастливое лицо.

Оставь на время книгу и жену —
Скупы века на счастье и покой.
Нам задано судьбу
Вкрутую повернуть
Простою человеческой рукой.

Но наши руки просят не войны,
А книгу, микроскоп, мотор.
И легче нам завоевание луны,
Чем дикий человеческий спор.

Но знаем мы:
Не будет микроскоп
Светить природою нагой,
Не ляжет в поле полный сноп,
Пока мы прочною ногой —

И не одной, а парой ног —
Мир не займем на шесть шестых.
Но сами мы не тронем крох
С дней мира, кратких и простых.

И странно в наше время жить —
Уметь мгновеньем дорожить,
Уметь винтовкой книгу заложить,
Чтоб встать, пойти
И — просто умереть.

И жизнь несказанно вкусна
С такою солью смерти.
И страстью и душой она напоена —
И в сердце чувства не измерить!

Но влагой станет кипятилок,
Прозрачным воздухом остынет буря.
Пока же бури не окончен срок,
Греми красноармейский котелок:
Сорвет война любой листок
Календаря и им закурит.

И вот —
Через винтовку, газ и самолет
Вернемся мы домой,
К тому, что нас влекло:
Где пахота, машины, мысли полный ход —
Труда и знанья чистое стекло.

Андрей Вогулов

Северный отдых

Чудесны дни простого созерцанья
И теплых трав просторная среда,
Пустынной ровности убогое молчанье
И облачных небес свинцовая руда.
Все хорошо — тепло сердцебиенья,
Незвонкий голос, серое лицо.
Мне незнакомо стало птицы пенье
И странен мир — веселый и босой.

Вот развернулись эти дни простые.
Невнятный ветер в шаг идет со мной,
Как родственник, и говорит слова густые,
Стихами их не скажешь все равно.

Кто знал сердечную, поспешную беседу
С травой, с пространством голубым,
Тот не чужим, родимым шел по свету
И сам был этой скудостью любим.

Легка так жизнь. Блестит ее дорога.
В дали, а не в тумане ее цель.
Она лишь кажется такой убогой —
Чем меньше на горбу, ногам тем веселей.

Какая ж это сумрачная сила
Таким нагим пустила меня в путь?
Наверно, та, что и долины рыла,
Что звездам не дает и ночью отдохнуть.

Нам грустно, что не можем рассказать
Другому глубины неслышного дыханья,
Чтоб сердце друга прочно взять
И мир схватить, как дар завоеванья.

Вождю оппозиции

Ты в лучших чувствах оскорблен:
Тебе одну шестую дали (считая тундры и пески),
Одну шестую мира пространства и тоски,
Где только рожь да лен!..
А где ж металл и механизмы,
Где прочность революции — бетон?
Какие тут в траве социализмы?!
По зипуну не скроишь мировой фасон!..
Ты удручен — и речью пышной
Исходит сердце страстное твое...
Не надобно кричать — и так все слышно,
Тебя любили мы,
Теперь — огнем единства бьем!..
Стерпи, товарищ, не горюй!
Ведь и другое у тебя бывало:
Ты помнишь сказку про березку и кору
И про козу про злую капитала?
Ты говорил: гони березку в рост,
Иначе съест ее коза Европы!..
Березовой стране мы клали в рот*:

* Конечно, что имели:
Что за обедом сами ели!

Да и я боюсь чего-то,
Если свет потушат.
Шепчет кто-то:
— Вот он, вот он!
И бывает жутко.

Если мама ляжет близко,
Я держусь за шею.
Скажет мама:
— Спи, сынишка!
И тепло мне с нею.

Я заметил из окошка,
Что на небе иногда
Загорается немножко
Электричеством звезда.

Вижу я, что лампа наша
Вся на ниточке висит,
Оборвать ее не страшно,
Только папа говорит,
Что без нитки —
Лампа не горит!

Папа мой не пионер,
А значок на шапке!
Он советский инженер —
Молот на лопатке.

Он машины из железа
Строит целый год.
Но какие — неизвестно,
И домой не принесет.

Я сказал ему однажды:
— Что ты, папа, жадный?
Знак надел — и ходит важный!..
Подари-ка нам машину —
Будем очень рады!
Правда!

Папа мой меня потрогал,
Будто я железный:
— Завтра едем-ка в дорогу,
Станцию посмотришь!
Невелик ты, но полезно:
Подрастешь — построишь!

И поехали мы завтра,
С мамой попрощались.

Взяли шапки, взяли завтрак,
С мамой целовались.

Рыжий шофер очень важен —
Автобусик он ведет.
Ехать быстро очень страшно,
Дядя денежки берет.

По Лубянке к Театралке
Мчится громко автобус.
Нам людей давить не жалко,
Потому что незнакома
Пионерам грусть!

Дом стоит ужасный
И гудит как жук.
— Вот электростанция, дорогой мой друг! —
Взял меня за руку папа-инженер.
И пошел я в станцию,
Смелый пионер.

В комнате высокой Ленина портрет,
А под ним железо страшное мычит.
«Без электростанций — коммунизма нет», —
Ленин, умирая, написал слова.
И теперь железо мертвое кричит:
Значит, сила Ленина жива!

«Кочегарка —
Посторонним запрещается входить!»
А вот мы вошли!
Там земля трясется, люди дым едят,
И жара такая — невозможно жить!

Но я очень смелый, и я очень рад,
И еще охота
Уголь мне кидать.
Только — не велят!

Вон часы-будильники
Стрелками дрожат —
Так ужасно крепко
Пар в котле зажат.

Кочегары черные
Кормят пламя в рот:
Для машины — пища,
Кочегарам — пот.

Это удивительно —
Трудно как светить!

Нам неизвинительно
В ярком свете жить!

Ну, пойдём, парнишка,
В наш машинный зал.
Люк не трогай близко,
Свалишься в подвал!

Но уж там другое —
Чистота и звон.
А главное такое —
Как делают огонь.

Лежат кадушки черные,
Как музыка, поют.
Большие, а проворные
И много пара жрут!

В одну машину давит пар —
И вертится она!
Упорный чёрный кочегар
Не зря потеет у огня.

И, тяжело утомлена,
(Видать, как дышит и сопит она!)
Машина та крутить спешила
Свою певучую соседку,
Что город электричеством светила.

Я ничего бы не узнал,
Но папа пионерски метко
Мне все дочиста рассказал:

— Видал, вожатый и оратор,
Как трудно свет дается нам?
То три турбины, то — динамо,
Все вместе:
Турбогенератор!

Ты слова не забывай,
Запомни то, как медный вал,
Вращаясь меж магнитов,
Живое электричество рождал!
Теперь — по станции шагай!

Взобрались наверх —
Круто, жутко,
Трепещет даже стан!
Какая умная наука!
Зато машинам трудно
И кочегаров жаль!

Здесь на мосту высоком —
Пред нами мрамор белый,
Проходим с папой боком,
Чтоб током не задело.

Часов и ручек много
На мраморе висят.
Но просят их не трогать,
Чтоб зря не умирать.

— Вот щит-распределитель, —
Папа говорит. —
Здесь каждый измеритель
Выставлен на вид!

Гляди на циферблаты,
И видно — сколько тока!
Считаю аппараты
Без всякого порока.

Текут отсюда в город
Тепло и свет и сила —
Вон, видишь, вышел провод:
В нем электричество поплыло.

Лампочку над книгой
И городской трамвай
Питает провод сытно —
Садись и поезжай
Домой к себе на Пресню —
И быстро, и прелестно!

Любой, большой и малый,
Советский наш завод
Вещи из металла
Все тем же током ткет.
И воду током гонит
В дома водопровод.

<Марии>

М.

В мире есть чудо — свобода,
Мир — это сердце, мой друг.
В мире есть нежность — природа,
Есть человек — разрушающий дух.

Баю-баю, Машенька,
Тихое сердечко,
Проживешь ты страшненько
И сгоришь, как свечка.

Марии

Предчувствия меня томят,
Душа неслышно говорит.
На небе звезды молчат, молчат.
И в бесконечность мне путь открыт.

М.

Вечер и Ты, моя мука и свет,
Вечер — и я, человек и поэт.
Знаю, что в мире радости нет,
Есть безнадежность — кровавый крест.

М. А. К.

Мы стареем, потому что мы живые,
Нам усталость мочит белые глаза, —
Значит, мы с тобою были молодые,
Но еще гремит любовная гроза.

Оттого ты с каждым годом мне милее —
Жар неистовый сменен на теплоту.
Слышу я, как сердце мое зреет,
Чтоб, созрев, упасть в родном саду.

Ты еще жива, твои глаза сияют,
Сердце грудь качает, краснея и спеша,
Но года замрут и про тебя мне скажут:
Век отвековала верная душа.

* * *

Солнце — розовый ребенок
Пьет вселенной молоко,
Ржет и скачет жеребенок,
Поле утром далеко.